

«Плисецкая — это клинок из дамасской стали, — как-то в запале сказал Григорович. — Чем старше, тем дороже. В опытных руках — смертельное оружие и надежная защита, но посторонним иметь с ней дело — упаси вас Бог!»

1962 год.
ПОДМОСКОВЬЕ.
НА ПРОГУЛКЕ
С ЩЕДРИНЫМ

1997 год. МАДРИД

ЛЮБОВЬЮ НЕ ШУТЯТ

Майя пошла в восемь месяцев, в девять уже говорила многие слова, а в десять за ней с большим трудом могла угнаться няня Варя. Почти новые ботинки с дырками на носках все-таки портили настроение матери — детскую обувь достать было очень трудно. Рыжее зеленоглазое создание носилось по небольшой квартире на Сретенке с гиканьем, пугавшим бабушкиных пациентов. У старого стоматолога Михаила Борисовича Мессерера была своя клиентура, которая предпочитала лечить зубы на дому. «Вот вырасту и вставлю себе железные зубы», — мечтала четырехлетняя Майя. Дедушка только посмеивался.

Предки Плисецких были выходцами из Литвы, в Москву перебрались в 1907 году. Именно деду Майя Михайловна была обязана своими многочисленными родственниками: у него было шестеро детей. Потом, когда в тридцатые годы с ее родителями случилась беда, родственники помогли выжить Майе и ее младшему брату Александру.

Девочка росла настоящим сорванцом. Как-то, живя с родителями на даче, она обнаружила дыры в старом заборе и пролезла на чужой участок. Это была дача танцора Михаила Мордкина, партнера легендарной Анны Павловой. Дом стоял темный и пустой. Майя толкнула дверь, перешагнула через порог и оказалась в царстве танца. Все стены были оклеены старыми афишами, а в углу пылились балетные тапочки. Напялив свой трофей, Майя пришла домой. После долгой воспитательной беседы и стояния в углу ее взяли первый раз в театр. Пьеса называлась «Любовью не шутят». Несмотря на нежный возраст, она отсмотрела весь спектакль на одном дыхании. Последующие дни стали кошмаром для окружающих: Майя играла все роли подряд, изображая то одного, то другого, не реагируя на справедливые замечания родителей. Когда выведенный из себя отец шлепнул дочь, Майя закатила глазки и замерла не шевелясь. «Майечка, ты обиделась?» — спросил обеспокоенный пятиминутным молчанием отец. «Любовью не шутят», — был достойный ответ пятилетней барышни. У всех от хохота на глазах выступили слезы. «Хотите вы или нет, — подвел итог дед, — но у вас растет актриса».

К искусству тяготели почти все родственники Плисецкой, начиная с матери. Рахиль Плисецкая в юности снималась в немых сентиментальных фильмах. Дядя Азарий, старший брат матери, был драматическим актером, Асаф, второй дядя, танцевал и вел класс в балетной студии. У него впоследствии занимались Уланова, Васильев, Максимова. Елизавета (Элишева), сестра матери, играла в Ермоловском; Суламифь, или Мита, другая сестра, была балериной. И только отец Михаил

Плисецкий к искусству отношения не имел, но был горячим поклонником балета.

Когда Майе исполнилось семь, отца направили на работу на Шпицберген. Два года пролетели среди вечного льда и холодных ветров. Отцу дали отпуск, и семья вернулась в Москву. Целью приезда стало устройство Майи в балетную школу. На углу Пушкинской и Неглинной, в здании балетного училища, она блестяще сдала экзамен. Председатель комиссии Виктор Александрович Семенов, не дождавшись голосования, нервно выкрикнул: «Эту девочку мы берем!» Мама с папой и маленьким братишкой уехали назад, на Шпицберген, а Майя осталась учиться балету.

В 1935-м отца вызвали в Москву и арестовали. О его смерти Майя долгое время не догадывалась. Многие годы семья получала письма из заключения, подписанные якобы папой. Отца расстреляли 7 января 1938 года. (Точную дату смерти Майя Михайловна узнала лишь через пятьдесят лет — в 1989 году — из архивной справки НКВД.) Затем наступил и мамин черед. Ее забрали прямо со спектакля, на который пригласила тетя Мита. Майя так увлеклась происходящим, что не заметила, когда исчезла мать. После спектакля Мита сказала племяннице что-то неразумительное о срочной маминной командировке. Потянулись месяцы ожидания. Майя ходила на занятия, потом бежала домой, на кухню — вдруг мама уже вернулась? Как-то в крошечную квартиру Миты ввалились две женщины, пахнущие перегаром и потом. Сотрудницы НКВД пришли забрать в приют дочку врагов народа. Мита отдала все свои сбережения и два отреза на платье, но Майю отстояла. Самым сильным потрясением для маленькой девочки был момент, когда она узнала мамино платье, надетое на одну из этих женщин. Майя потеряла сознание. Потом Мита долго рассказывала племяннице о том, что это — не мамино, просто куплено в том же магазине. Ну а как же чернильное пятно на воротнике, которое поставила сама Майя, разлив чернила на стопку чистого белья?

ОДАРЕНА И ОЧЕНЬ ОПАСНА

Одаренную девочку в училище заметили многие. Ей стали давать маленькие роли во взрослых спектаклях. Пришло письмо от мамы, из Чимкента. Тетя Мита, унижаясь где только можно, раздобыла разрешение на свидание, а потом выхлопотала отмену приговора. Мать приехала совершенно больной, но не сломленной.

В 14 лет Майю начали мучить боли в правом колене. Приговор врачей был беспощаден: больше танцевать нельзя, надо менять профессию — виноват неправильный разворот ноги. Спас ее массажист Никита Григорьевич Шум.